

ТОВЕ ДИТЛЕВСЕН
Зависимость

No Kidding Press



TOVE

Копенгагенская трилогия

Тове Дитлевсен

Зависимость

«ВЕБКНИГА»

1967

Дитлевсен Т.

Зависимость / Т. Дитлевсен — «ВЕБКНИГА»,
1967 — (Копенгагенская трилогия)

ISBN 978-5-60-447498-3

Тове всего двадцать, но она уже достигла всего, чего хотела: талантливая поэтесса замужем за почтенным литературным редактором. Кажется, будто ее жизнь удалась, и она не подозревает о грядущих испытаниях: о новых влюбленностях и болезненных расставаниях, долгожданном материнстве и прерывании беременности, невозможности писать и разрушающей всё зависимости. «Зависимость» – заключительная часть Копенгагенской трилогии, неприукрашенный рассказ о бессилии перед обнаженной действительностью, но также о любви, заботе, преданности своему призванию и в конечном счете о неуверенной победе жизни.

ISBN 978-5-60-447498-3

© Дитлевсен Т., 1967

© ВЕБКНИГА, 1967

Содержание

Часть I	6
1	6
2	10
3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Тове Дитлевсен Зависимость



Danish Arts
Foundation

Издание осуществлено при поддержке Danish Arts Foundation

© Tove Ditlevsen & Hasselbalch, Copenhagen 1967. Published by agreement with Gyldendal Group Agency

© Анна Рахманько, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. No Kidding Press, 2021



Часть I

1

Всё в комнате зеленое: стены, ковры, гардины – и я в ней всегда, словно на картинке. Каждое утро я встаю к пяти и сразу принимаюсь писать, сидя на краю кровати с поджатыми от холода пальцами ног, – на дворе середина мая, и больше не топят. В этой комнате сплю только я, потому что Вигго Ф. так долго жил один, что ему сложно привыкнуть засыпать с кем-нибудь под боком. Я всё хорошо понимаю, это мне как раз подходит, и тихие утренние часы принадлежат мне одной. Я пишу свой первый роман, и Вигго Ф. ничего об этом не знает. Думаю, если бы знал, то пытался бы вносить изменения и давать мне дельные советы, как молодым авторам «Дикой пшеницы», но от этого остановился бы поток предложений, весь день проносющихся в моей голове. Я пишу от руки на желтых листах писчей бумаги, потому что Вигго Ф. обязательно проснется, если я буду стучать на его шумной печатной машинке, такой старой, что ей место в Национальном музее. Он спит в комнате с видом на сад, и я бужу его только к восьми. Проснувшись, он, недовольный, бредет в ванную в белой ночной рубашке с красной каемкой. Тем временем я готовлю для нас кофе и намазываю маслом четыре ломтя белого хлеба. Особенно толстый слой – на его два куска, потому что он любит жирное. Я делаю всё, чтобы угодить ему, ведь я по-прежнему испытываю благодарность за то, что он на мне женился. Хотя здесь что-то и не так, я стараюсь об этом особо не думать. По необъяснимым причинам Вигго Ф. никогда меня не обнимает, и это немного беспокоит, почти как маленький камушек в ботинке. Беспокоит несильно – я считаю, что со мной что-то не в порядке и я так или иначе не оправдала его ожиданий. За кофе мы сидим друг напротив друга, он читает газету, и отвлекать его разговорами нельзя. Тогда смелость иссякает во мне, как песок в колбе часов, – не знаю отчего. Я не отрываясь смотрю на его двойной подбородок, вечно слегка дрожащий, – он растекается по краям накрахмаленного воротничка рубашки. Я не отрываясь смотрю на маленькие щуплые руки, которые двигаются короткими нервными рывками, и на седую шевелюру, похожую на парик, – его румяному лицу без морщин больше подошла бы лысина. Когда мы наконец-то обмениваемся словами, это какие-нибудь незначительные мелочи: что ему хочется на ужин или как нам избавиться от просвета в затемняющих шторах. Я радуюсь, когда он находит в газете что-нибудь подбадривающее – вроде того, что запрет на покупку алкоголя, введенный оккупантами на неделю, наконец снят. Я радуюсь, когда он улыбается мне своим единственным зубом, треплет по руке и, попрощавшись, уходит. Он не хочет заказывать зубные протезы, потому что, как он утверждает, мужчины в его семье обычно умирают к пятидесяти шести годам, а значит, ему осталось всего три и лишние расходы ни к чему. Его жадности не спрятать, и содержание меня, которое так много значит для мамы, сведено к минимуму. Он ни разу не купил мне ни одной вещи, и, когда мы вечером идем в гости к какой-нибудь знаменитости, он едет в трамвае, а мне приходится мчаться рядом на велосипеде на огромной скорости, чтобы помахать ему, когда он того пожелает. Обязанность вести домашние счета лежит на мне, и, когда Вигго Ф. в них заглядывает, всё кажется ему слишком дорогим. Если вдруг что-то не сходится, то я приписываю рядом «прочее», но у него это вызывает недовольство, поэтому я стараюсь не забыть ни одной траты. Негодует он и из-за утренних визитов домработницы – ведь я сижу дома и ничего не делаю. Но я не могу и не хочу убирать, поэтому ему ничего не остается, кроме как согласиться. Я радуюсь, видя, как он пересекает зеленую лужайку по пути к трамвайной остановке, что прямо перед полицейским участком. Я машу ему и, отвернувшись от окна, совершенно забываю о существовании Вигго Ф., пока он снова не объявится. Я принимаю душ и изучаю себя в зеркале – мне всего двадцать, но кажется, что мы женаты целую

вечность. Мне всего двадцать, но кажется, что за стенами зеленых комнат жизнь других людей проносится в ритме дробы барабанов и литавр, на меня же дни падают беззвучно, как пыль, – один точь-в-точь как другой.

Одевшись, я обсуждаю с фру Йенсен ужин и составляю список покупок. Фру Йенсен немногословна, скрытна, и ее слегка оскорбляет факт, что она больше не может хозяйничать здесь по своему усмотрению, как привыкла. Какая глупость, бормочет она, мужчина в его возрасте женится на молоденькой. Произносит она это не очень громко, чтобы мне не пришлось отвечать, и я совсем не хочу слышать, что она там бубнит. Я всё время думаю о своем романе, у которого уже есть название, хотя не вполне уверена, о чем он будет. Я просто пишу, и, может, выйдет хорошо, а может, и нет. Самое важное – я счастлива, когда пишу. Я счастлива и забываю обо всем вокруг, пока не приходит время вешать на плечо коричневую сумку и отправляться по магазинам. И меня снова охватывает утренняя темная печаль, потому что на улицах сплошь и рядом попадаются влюбленные пары. Они держатся за руки и смотрят друг другу в глаза глубоким взглядом – я почти не в силах вынести такое зрелище. Я задумываюсь о том, что никогда не была влюблена, кроме того короткого мгновения два года назад, когда возвращалась домой из «Олимпии» с Куртом за день до его отправления в Испанию, на гражданскую войну. Может, он мертв, а может, вернулся домой и нашел другую. Может, и не было никакой необходимости выходить замуж за Вигго Ф., чтобы выбиться в люди. Может, я поступила так только потому, что этого ужасно хотелось моей маме. Я тычу пальцем в мясо – проверяю, нежное ли оно. Этому меня научила мама. Стоимость записываю на маленьком листке, иначе забуду, пока доберусь до дома. Когда все покупки сделаны и фру Йенсен уходит, я снова забываю обо всем и молочу по клавишам машинки, пока это никому не мешает.

Мама часто заходит ко мне в гости, и вместе мы можем подурочиться. Через несколько дней после моей свадьбы она открывает шкаф и изучает весь гардероб Вигго Ф. Она зовет его Виггомэн: как и у других, у нее язык не поворачивается называть его просто Вигго. У меня тоже, потому что в этом имени есть что-то дурацкое, если, конечно, оно не принадлежит ребенку. Мама рассматривает всю его зеленую одежду на просвет и находит костюм, настолько изъеденный молью, что для носки он уже не годится. Из него фру Брун может сшить для меня платье, решает мама. Если ей пришло что-то в голову, то перечить просто бессмысленно, поэтому я сдаюсь без всякого сопротивления – и в надежде, что Вигго Ф. не кинется искать костюм. Какое-то время спустя мы приходим к моей семье. Это случается редко, потому что я просто не выношу его манеры общения с моими родителями. Он говорит громко и медленно, словно с отсталыми детьми, и тщательно выбирает темы, которые, как ему кажется, могли бы их заинтересовать. Мы сидим в гостях, и вдруг он тихонько толкает меня локтем в бок. Забавно, произносит он, покручивая усы между большим и указательным пальцами, ты обратила внимание, что платья у твоей матери – из той же ткани, что и костюм в моем шкафу? Мы с мамой вылетаем в кухню, сотрясаясь от смеха.

В этот период мы с мамой близки, потому что я больше не питаю к ней никаких глубоких и болезненных чувств. Она на два года младше своего зятя, и они только и болтают о том, какой я была в детстве. Я совершенно не узнаю себя в маминых описаниях, словно всё это о другом ребенке. Когда она заходит к нам, я прячу роман под замок в тумбе письменного стола Вигго Ф., готовлю кофе и мы пьем его за приятными разговорами. Беседуем о том, как хорошо, что моему отцу удалось быстро найти работу в мастерской Эрстед, о кашле Эдвина, обо всех тревожных сигналах, посылаемых внутренними органами мамы, – они стали мучать ее сразу после смерти тети Розалии. Мама кажется мне всё еще красивой и молодой. Она небольшого роста и стройная, а на лице, как и у Вигго Ф., почти нет морщин. Ее завитые волосы густы, как у куклы, и она всегда устраивается на краю стула, выпрямив спину и сложив руки на сумке. Она сидит в точности как тетя Розалия, когда та забегала «на минутку», но уходила лишь несколько часов спустя. Мама спешит домой, пока Вигго Ф. не вернулся из общества страхования от

пожаров, потому что он часто является в плохом настроении и не любит, когда у нас гости. Он ненавидит всю конторскую работу, которую ему приходится выполнять, – и людей, которые окружают его целыми днями. Мне кажется, он недолюбливает каждого человека, если тот не особо одарен творчески.

Пройдясь после ужина по домашним расходам, Вигго Ф. обычно спрашивает меня, сколько «Французской революции» я осилила. Эта книга – основа моего образования, поэтому я стараюсь прочесть хотя бы несколько страниц в день. Я отпущу тарелки, а он ложится на диван вздремнуть. Мой взгляд ненадолго падает на голубой шар перед полицейским участком, озаряющий стеклянным светом пустынную площадь. Тогда, опустив шторы, я сажусь читать Карлейля, пока Вигго Ф. не проснется и не потребует кофе. Пока мы пьем – если не собираемся в гости к кому-нибудь из знаменитостей, – пространство между нами заполняется причудливой тишиной. Кажется, мы всё сказали друг другу еще до свадьбы и со скоростью света исчерпали слова на двадцать пять лет вперед – я не верю, что он умрет через три года. Единственное, что занимает меня, – это мой роман, и если мне нельзя говорить о нем, то я не знаю, о чем еще можно. Месяц назад, сразу после оккупации, Вигго Ф. охватил страх, что немцы арестуют его за материал о концлагерях для хроники в «Социалдемократен». Мы много это обсуждали, и по вечерам объявлялись его настолько же напуганные друзья, у которых тоже что-то лежало на совести. Сейчас, кажется, они все забыли об этой угрозе и продолжают жить как ни в чем не бывало. Каждый день я пребываю в страхе, что Вигго Ф. спросит, прочитала ли я рукопись нового романа, который он собирается отправить в издательство «Гюлендаль». Текст лежит на его письменном столе, и я даже пыталась начать, но он так скучен, утомителен, полон таких витиеватых, неправильных предложений, что мне никогда его не осилить. Мне не нравятся его книги, что добавляет напряжения в наши отношения. Я не признаюсь ему в этом, но и не хвалю его работы – просто отвечаю, что не разбираюсь в литературе.

Хотя домашние вечера грустны и монотонны, я всё же предпочитаю их вечерам в компании известных личностей. В присутствии этих людей меня охватывает застенчивость и неловкость, и мой рот словно набивается опилками, потому что я не в состоянии быстро реагировать на веселые замечания окружающих. Они обсуждают свои картины, свои выставки или свои книги и зачитывают свои только что сочиненные стихотворения. Для меня же писательство, как и в детстве, – нечто потаенное и запретное, постыдное; нечто, что ты делаешь в укромном уголке и только когда никто не видит. Меня спрашивают, что я сейчас пишу. Ничего, отвечаю я. Вигго Ф. приходит на помощь. Она пока что читает, объясняет он. Нужно много прочесть, чтобы писать прозу, и это будет ее следующим шагом. Он говорит обо мне так, словно меня рядом нет, и я радуюсь, когда наконец-то приходит пора уходить. В кругу знаменитостей Вигго Ф. ведет себя совсем иначе: смелее, самоувереннее, остроумнее – так же, как в первое время со мной.

Однажды вечером в гостях у художника Арне Унгерманна возникает идея собрать всех неизвестных молодых авторов «Дикой пшеницы», ведь они наверняка разбросаны по всему городу и очень одиноки. Быть может, они будут рады познакомиться друг с другом. Тове могла бы стать председателем союза, предлагает Вигго Ф. и любезно улыбается мне. Эта мысль наполняет меня радостью: молодых людей я вижу, только когда они поодиночке осмеливаются прийти к нам со своими работами, но и тогда едва отваживаются поднять на меня глаза, ведь я замужем за этим важным человеком. От восторга мне едва хватает сил выдавить из себя: он может называться «Клуб молодых художников», и эта идея вызывает всеобщие аплодисменты.

На следующий день я отыскиваю адреса в записной книжке Вигго Ф. и рассылаю очень официальное приглашение, где в нескольких словах предлагаю встретиться у нас дома в заранее выбранный вечер. Бросив письма в почтовый ящик рядом с полицейским участком, я уже представляю себе всеобщее ликование. Я убеждена, что молодые авторы сидят в промозглых съемных комнатухах по всему городу и так же несчастны и одиноки, как и я до недавних

пор. Кажется, Вигго Ф. уже все-таки неплохо знает меня. Знает, что я устала от постоянного общения со стариками. Знает, что от жизни в его зеленых комнатах у меня щемит в груди и я не могу провести всю молодость, читая о Французской революции.

2

«Клуб молодых художников» стал явью, и жизнь снова наполнилась смыслом и обрела краски. Нас примерно десять-двенадцать молодых людей, и мы встречаемся вечером по четвергам в кафе в «Доме женщин»¹ – нам предоставляют помещение, если каждый выпьет чашку кофе. Без выпечки он стоит крону, у кого денег нет – занимают у тех, у кого есть. Встреча начинается с доклада важной птицы – знаменитости постарше, которая тем самым делает Вигго Ф. одолжение. Выступления я никогда не слушаю, потому что озабочена тем, что по окончании мне нужно подняться и выразить признательность. Я всегда произношу одно и то же. «Позвольте поблагодарить вас за этот великолепный доклад. С вашей стороны было очень любезно прийти». К нашему облегчению, важная птица обычно отказывается остаться и выпить с нами кофе. Тогда мы уютно и непринужденно болтаем обо всем на свете и редко вспоминаем, ради чего собрались. Лишь изредка кто-нибудь спросит меня: а ты знаешь, что думает Мёллер о двух стихах, которые я ему недавно отправил? Все в кружке называют его Мёллер и отзываются о нем с большим почтением. Благодаря ему они больше не безвестны, благодаря ему опубликовались и благодаря ему им повезло увидеть свои имена в рецензиях «Дикой пшеницы», вызывающих интерес у прессы. В клубе всего три девушки: Соня Хауберг, Эстер Нагель и я. Они – красивые и серьезные, с темными волосами, черноглазые и из зажиточных семей. Соня изучает литературу, Эстер работает в аптеке. Всем в клубе примерно по двадцать лет, за исключением Пита Хейна, который, кажется, не слишком жалуется Вигго Ф. Пит Хейн досадует, что к одиннадцати мне надо быть дома: я никогда не могу пойти с ними в ресторан «Венгерский винный дом». Но я всегда держу слово: Вигго Ф. ждет меня – хочет узнать, как прошел вечер. Он сидит с кофе или бокалом вина, и я смотрю на него глазами своих приятелей и вот-вот решусь показать половину романа, но всё равно не могу себя заставить. У Пита Хейна круглое лицо и острый язык, которого я побаиваюсь. Вечером, провожая меня домой по темному, залитому лунным светом городу, он останавливается у канала или перед зданием Биржи с ее светящейся в темноте ярко-зеленой крышей, раскрывает мои ладони, словно книгу, и целует меня долго и страстно. Он спрашивает, почему я вышла за этого чудака, я – такая красивая, что могла бы заполучить любого. Я отвечаю уклончиво, потому что не люблю, когда кто-нибудь пытается сделать из Вигго Ф. посмешище. Уверена, что Пит Хейн не знает, каково быть бедным и продавать всё свое время, лишь бы выжить. Я испытываю всё нарастающую симпатию к Хальфдану Расмуссену – он невысокий, тощий, одет плохо и перебивается пособием. Мы с ним из одной и той же среды и понимаем друг друга. Но Хальфдан влюблен в Эстер, Мортен Нильсен – в Соню, а Пит Хейн – в меня. Это стало очевидным уже после нескольких встреч по четвергам. Я же не могу разобраться, влюблена ли в Пита Хейна. Меня переполняют эмоции от его поцелуев, но смущает, что он хочет всего и сразу: жениться, нарожать детей и представить меня одной своей очаровательной знакомой, поскольку считает, что я нуждаюсь в подруге. Зверушка, называет он меня, сжимая в объятиях.

Однажды вечером он приводит на встречу клуба девушку. Ее зовут Надя, и она определенно влюблена в него. Она выше меня, стройная, чуточку сутулая и с неровным и небрежным выражением лица, словно живет для других и ей никогда не хватает времени на саму себя. Мне она нравится безмерно. Работает Надя садовницей, ее отец – русский. Он разведен, и она живет у него. Надя зовет меня в гости, и однажды я принимаю приглашение, предварительно рассказав о ней Вигго Ф. Квартира у них большая и просторная. За чаем Надя забавляет меня

¹ Идея создания «Дома женщин» в Копенгагене принадлежит Эмме Гад и впервые была высказана в 1895 году. Строительство здания по проекту Рагны Грубб завершилось в 1935 году. Сегодня здесь по-прежнему размещается «Союз женщин». – *Здесь и далее приводятся примечания переводчицы.*

историями о Пите Хейне. Она считает, что тот предпочел бы двух девушек сразу. Когда она с ним познакомилась, Пит был женат и сделал всё, чтобы Надя подружилась с его женой, прежде чем он ту бросил. Теперь они больше не общаются. Это своеобразная мания, спокойно говорит Надя. Она расспрашивает обо мне и советует развестись с Вигго Ф. Тогда эта идея приходит на ум и мне. Я рассказываю о нашей с ним неполноценной совместной жизни, она отвечает, что ей жаль, ведь таким образом он обрекает меня на бездетность. Посоветуйся с Питом, рекомендует она, пока он к тебе равнодушен – всё для тебя сделает.

Так я и поступаю однажды вечером, когда мы в тишине стоим у канала, в котором вода плещется о камни набережной с нежным и ленивым звуком. Я спрашиваю Пита, что нужно для развода, и он обещает взять на себя все хлопоты, мне же нужно лишь открыться Вигго Ф. Пит обещает платить за меня, чтобы я могла жить в пансионе, и содержать лучше, чем с этим справляется Вигго Ф. Может, я и сама буду себя содержать, отвечаю я. Сейчас я работаю над романом. Говорю так непринужденно, как будто уже написала двадцать, а это двадцать первый. Пит просит дать почитать, но я объясняю, что никому не покажу, пока не завершу книгу. Тогда он спрашивает, приду ли к нему поужинать как-нибудь вечером. Он живет на улице Сторе Конгенсгаде в небольшой квартире, куда перебрался после развода. Приглашение я принимаю, а Вигго Ф. говорю, что мне нужно навестить родителей. Я вру ему впервые, и от этого стыдно, потому что он мне верит. Вигго Ф. сидит за письменным столом над «Дикой пшеницей»: вырезает из гранок иллюстрации, рассказы и стихи и наклеивает их на страницы старого номера. Он действует бережно, и его фигура с большой головой склоняется под зеленой лампой – он излучает что-то похожее на счастье: журнал он любит так, как другие любят свою семью. Я целую его в мягкие влажные губы, и неожиданно на мои глаза наворачиваются слезы. У нас было нечто общее, пусть и небольшое – но всё же, и вот я начала это разрушать. Мне грустно, оттого что моя жизнь вот-вот станет такой сложной, как никогда прежде. Но я задумываюсь и о том, как странно, что я ни разу не шла наперекор чужой воле, по крайней мере всерьез. Возможно, задержусь, предупреждаю я, моей маме нездоровится. Не стоит меня дожидаться.



Ну что, спрашивает Пит весело, всё прошло нормально?

Да, отвечаю я и чувствую себя счастливой. После романа с Акселем я считала, что со мной что-то не так, но это оказалось неправдой. Мы поели и выпили, и я немного опьянела. Мы лежим в просторной кровати с балдахинном, доставшейся Питу от его матери, врача-окулиста. В комнате много причудливых ламп, мебель современная, на полу – шкура белого медведя. В вазе у кровати стоит роза, которая уже начала терять лепестки. Она от Пита. Кроме того, он подарил мне платье из синего бархата, которому пока придется повисеть здесь. Забрать его домой я не могу. Я нюхаю розу. Она больше не верит в размножение почкованием, смеюсь я. Это мне пригодится, вскрикивает Пит и вскакивает с кровати совершенно голый. Он садится за письменный стол, хватается за ручку и бумагу и что-то записывает. Закончив, показывает мне. Это его грук² для «Политикен», куда он каждый день пишет по такому четверостишью – едкому или шутивому. На листе – строки:

Любимой розу я принес, оставил у постели.
Всю ночь от жара лепестки так пламенно алели.
Но лепесток за лепестком – и вот опал цветочек.
Теперь не верит он, что мог размножиться из почек.

² Gruk (датск.) – жанр короткого стихотворного афоризма, придуманный и названный так Питером Хейном. Всего он написал около семи тысяч грук на датском и примерно четыреста – на английском.

Я хвалю, и он отвечает, что мне полагается половина гонорара. Для Пита нет ничего запретного и постыдного в том, чтобы сочинять. Для него это как дышать.

Мёллера ждет сильный удар, злорадствует Пит. Когда вы поженились, все его друзья держали пари, сколько продержится брак – меньше или больше года. В срок больше года не верил никто. И Роберт Миккельсен позаботился, чтобы вы заключили брачный договор, – думал, что ты претендуешь на половину имущества мужа.

Какой же ты злобный, с удивлением бросаю я, какой же ты сложный.

Нет, отвечает Пит, просто я его недолюбиваю. Он паразитирует на художниках, сам таковым не являясь. Он совершенно не умеет писать.

Он тут ни при чем, замечаю я неловко. Мне не нравится, как ты отзываешься о нем. От этого у меня портится настроение. Я спрашиваю, который час, и мое короткое счастье медленно истекает. Комната наполняется прохладной серебристой тишиной, будто должно произойти что-то фатальное. Слов Пита я не слышу. Я думаю о Вигго Ф., который в свете настольной лампы склонился, работая над своим журналом. Я думаю о пари его друзей и о том, что сказать ему о разводе невыносимо. Иногда, произносит Пит нежно, ты так далеко и до тебя не достучаться. Ты такая очаровательная, и, кажется, я тебя люблю. Тебе можно писать, спрашивает он, почту приносят после его ухода на работу? Да, отвечаю я, можешь писать. На следующий день я получаю от него любовное признание. «Милая зверушка, – пишет он, – ты единственная, на ком я хотел бы жениться». Я в испуге звоню Вигго Ф. Что тебе надо? – спрашивает он раздраженно. Не знаю, говорю я, просто мне очень одиноко. Да брось ты, произносит он добродушно, я же приду вечером домой.

Я достаю роман и пишу, забыв обо всем на свете. Он почти готов. Я назову его «Обидели ребенка». Так или иначе речь идет обо мне, хотя со мной и не случилось того, что испытывают герои.

3

И ты, говорит Вигго Ф., покручивая усы – знак его хорошего настроения, – скрывала от меня всё это время?

Держа мой текст в руках, он смотрит на меня своими лучезарными голубыми глазами, настолько ясными, словно они только что из прачечной. Всё в нем чистое и аккуратное, и от него пахнет мылом и одеколоном. Он не курит – его дыхание свежее, как у ребенка.

Да, отвечаю я, хотела сделать сюрприз. Он действительно хорош?

Удивительно хорош, уверяет он, не придраться ни к одной запятой. Это несомненно большой успех.

Я чувствую, как от радости заливаюсь румянцем. В одно мгновение мне становятся безразличны Пит Хейн и планы развестись. Вигго Ф. – снова тот самый человек, о встрече с которым я мечтала всю жизнь. Он достает бутылку вина и разливает его по зеленым бокалам. Сколь³, произносит он с улыбкой, поздравляю. Мы оба сначала хотим попробовать обратиться в «Гюлендаль», хотя там и не взяли мои стихи. Они только что приняли роман Вигго Ф., через который я никак не могла продрасться. Он же считал, что я слишком молода, чтобы вникнуть в суть его книги, и здесь нечего поделывать. В этот вечер нам вместе хорошо, точно до свадьбы, и мысли о словах, которые мне скоро предстоит ему сказать, кажутся такими же далекими и призрачными, как и мысли о том, что должно произойти через десять лет. В последний раз мы снова так по-настоящему близки. Мы наедине за плотными задернутыми шторами в зеленой гостиной, мы делим друг с другом то, чего еще не видел мир, разговариваем о моем романе, хотя и пора ложиться спать и мы оба зеваем между глотками вина. Вигго Ф. никогда не напиивается и терпеть не может, когда это делают другие. Он много раз выставлял из дома Йоханнеса Вельцера, когда тот, пьяный, пылкий и потный, расхаживал туда-сюда и хвалился романом, над которым работает. Он убьет роман своей болтовней, говорит Вигго Ф. Он считает, что Йоханнес написал одну-единственную достойную строчку за всю жизнь: «мне дороги волнения и дальние путешествия». Впрочем, ясно как день, что пить нужно в меру и уходить вовремя. Собираются у нас часто. В такие моменты я иду в колбасную лавку на Амагерброгаде: как и моя мама, готовить совсем не умею, разве что самые простые блюда.

³ Skål (датск.) – форма краткого тоста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.